

Ф.Ф. Торнау

**ВОСПОМИНАНИЯ
КАВКАЗСКОГО
ОФИЦЕРА**

Федор Торнау

**Воспоминания
кавказского офицера**

«Public Domain»

1865

Торнау Ф. Ф.

Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау — «Public Domain», 1865

Воспоминания Федора Федоровича Торнау – уникальный исторический источник, повествующий о перипетиях кавказской жизни и военных действий на Кавказе во второй половине 30-х годов XIX века. Автор под видом горца дважды перешел через Главный Кавказский хребет на Западном Кавказе, позднее попал в плен к черкесам, где и провел два года, с 1836 по 1838 гг.

© Торнау Ф. Ф., 1865

© Public Domain, 1865

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Федор Федорович ТОРНАУ ВОСПОМИНАНИЯ КАВКАЗСКОГО ОФИЦЕРА

Часть первая 1835 г.

Глава I

При заключении Адрианопольского трактата, в 1829 году, Порта отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежащие между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившейся от Турции еще лет двадцать тому назад. Эта уступка имела значение на одной бумаге – на деле Россия могла завладеть уступленным ей пространством не иначе как силой. Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, своим духовным главой, но не платили податей и не ставили солдат. Турок, занимавших несколько крепостей на морском берегу, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и дрались с ними или, лучше сказать, били их без пощады при всяком подобном вмешательстве. Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятною. Не углубляясь в исследование политических начал, на которых султан основывал свои права, горцы говорили: “Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить”. Десять лет спустя, когда черкесы уже имели случай коротко познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший в то время черноморскою береговою линией, усиливаясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: “Султан отдал вас в пеш-кеш, – подарил вас русскому царю”. “А! Теперь понимаю, – отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. – Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!” Этим кончились переговоры. Очевидно было, что при таком стремлении к независимости одна сила могла переломить упорство черкесов. Война сделалась неизбежною. Оставалось только сообразить необходимые для того средства и отыскать лучший путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа.

Для того чтобы получить понятие о нашем положении на восточном берегу Черного моря, в 1835 году, когда судьба забросила меня в Абхазию, необходимо познакомиться с обстоятельствами, сопровождавшими первое появление здесь русских войск.

При Селиме II и Амурате III турки подчинили себе Гурию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию. В 1578 году они построили две крепости на берегу моря, одну в Поты, другую в Сухуми. К этому времени, кажется, можно отнести также постройку турецкой крепости у натухайцев, на берегу Геленджикской бухты. В 1771 году абхазцы восстали против турок и принудили их оставить Сухум. Во главе восстания находились два брата, Леван и Зураб Тервашидзе. Поссорившись между собой, один из них, Леван, передал Сухум опять туркам, которые держались в нем после того не более трех лет, утомленные непрерывными нападениями абхазцев.

Тогда Келеш-бей Шервашидзе занял Сухум, силой подчинил себе абхазцев и отдался под верховную власть султана, признавшего его за то владетелем Абхазии и сухумским наследственным пашой. Подчиненность Келеш-бея турецкому правительству длилась также недолго. Дав убежище Тегер-паше трезбизондскому, осужденному Портою на смерть, он навлек на себя ее негодование и стал искать покровительства России, принявшей в то время под свою защиту Грузинское царство. В то же время он перешел, как говорят, тайным образом в христианскую веру. Турки, услышав о перемене веры и о сношениях Келеш-бея с русскими, подкупили его старшего сына, Аслан-бея, убить своего отца, которому он должен был наследовать. Преступление совершилось в Сухуме; но Аслан-бей не воспользовался его плодами. Младшие братья его, Сефер-бей, Бостал-бей и Гассан-бей, осужденные на гибель подобно отцу, успели спастись и вооружили против него всю Абхазию. Аслан-бей бежал в Батум от народного мщения, после чего Сефер-бей явно принял христианскую веру и в 1808 году отдал Абхазию под покровительство России, поставленной в необходимость воспользоваться его предложением. От занятия нашими войсками Абхазии и от учреждения в ней некоторого порядка зависело спокойствие Мингрелии, признавшей над собою, подобно Грузии, власть России. Кроме того, Сухум, пользующийся единственным удобным рейдом на всем восточном берегу Черного моря, от Батума до Геленджика, обещал доставить нам военные и торговые выгоды, которыми нельзя было пренебрегать, думая о будущности вновь приобретенных закавказских провинций. По этому поводу и согласно с желанием самого владетеля русские войска вступили в 1810 году в Абхазию, вытеснили турок из Сухума и поместили в нем небольшой гарнизон. Это обстоятельство несколько не изменило существовавшего в Абхазии порядка дела. Владетель по-прежнему оставался полным властелином своего народа. Не думая о новых завоеваниях, русское правительство не увеличивало в Абхазии войск, продолжавших занимать одну сухумскую крепость; не мешалось во внутреннее управление княжества и заботилось только об уничтожении влияния турок на народ, обнаруживавший склонность, по примеру владетеля, возвратиться к христианской вере, которую исповедовали его предки. Турки, бежавшие из Сухума, рассыпались между тем по всей Абхазии и с ожесточением возбуждали народ против русских. Отцеубийца Аслан-бей также не переставал разными происками набирать себе приверженцев в Абхазии, и число их возрастало с каждым днем. Первый порыв негодования против него прошел, а турки твердили беспрестанно абхазским магометанам, что Келеш-бей, как отступник, заслужил смерть от руки сына, который в этом случае не совершил преступления, будучи только слепым исполнителем воли Аллаха. Такое толкование поступка Аслан-бея находило веру и одобрение со стороны недовольных в Абхазии, пользовавшихся его именем и его будто бы не угасшими правами на княжество для того, чтобы производить беспорядки всякого рода. При таких тревожных обстоятельствах две русские роты, находившиеся в Сухуме, едва были достаточны для обороны крепости и не могли думать о водворении порядка в крае. В 1821 году Сефер-бей умер, оставив наследником княжества своего старшего сына Димитрия, воспитывавшегося в Петербурге. Пользуясь его отсутствием, абхазцы, волнуемые Аслан-беем, турками и Гассан-беем, готовившимся, со своей стороны, завладеть княжеством в ущерб своего племянника, вооружились против русских, поддерживавших право законного наследника. Для умирения Абхазии была назначена экспедиция, кончившаяся водворением Димитрия на княжеском престоле. Гассан-бея схватили и отправили в Сибирь, где он прожил около пяти лет, по истечении которых ему было дозволено вернуться в Абхазию. В 1824 году умер Димитрий, не оставив детей. Восстание в Абхазии повторилось и вызвало новое вооруженное вмешательство со стороны русских, в пользу Михаила, второго сына покойного Сефер-бея.

В 1830 году, когда весь восточный берег Черного моря перешел во владение России, отряд из десяти рот 44-го егерского полка, восьми орудий и небольшой команды казаков прибыл морем в Абхазию и занял Бамборы, Пицунду и Гагры. Первые два пункта, находящиеся в пределах Абхазии, были заняты без выстрела, невзирая на старание абхазских дворян возбу-

доть народ к сопротивлению и, по примеру прежних восстаний, призвать на помощь убыхов и шапсугов.

Гагры, лежащие за Бзыбom, у подножия высокого, скалистого хребта, примыкающего к самому морю, достались нам не без боя. Садзы, убыхи и шапсуги, собравшись в значительных силах, противились высадке и после того несколько раз пытались овладеть новым укреплением открытой силой. Потеряв много людей в своих неудачных нападениях, они переменили образ действия и принялись тревожить наши войска, не давая им отдыха ни днем ни ночью, нападая на небольшие команды, выславшиеся за дровами и за фуражом, подстерегая с высоты гор людей, выходивших за стены укрепления, и посылая в них свои меткие выстрелы. Существование гагринского гарнизона сделалось положительно нестерпимым.

Год спустя, русский отряд под начальством генерала Берхмана, состоявший из двух пехотных полков, в числе пяти тысяч человек, овладел Геленджиком, невзирая на упорное сопротивление нутухайцев и шапсугов. Недостаток лошадей, рабочего скота и преимущественно леса, который приходилось подвозить на судах из Керчи и Феодосии, не помешал нашим войскам укрепиться и построить в одно лето все необходимые помещения. Пока производились работы и после того в течение целой зимы неприятель не давал покоя нашим войскам.

До занятия Гагр и Геленджика мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которыми приходилось бороться нашим войскам на черкесском берегу. Опыт, которым мы обогатились в этих случаях, заставил приостановить дальнейшие действия на берегу Черного моря, до того времени, когда окажется возможность подготовить все средства, необходимые к отстранению замеченных неудобств. Многочисленный и хорошо вооруженный неприятель, встретивший наши войска с отчаянной храбростью, требовал для отражения его численных сил, какими мы не могли располагать в то время на Кавказе. Кази-Мегмет, первый распространитель мюридизма между горцами, поднял против нас Чечню и весь Дагестан, разграбил пограничные города, Кизляр и Моздок, и в последнее время стал угрожать военно-грузинской дороге, нашему ближайшему, если не единственному сообщению с закавказскими провинциями. Сперва надо было усмирить левый фланг кавказской линии, куда и были направлены все свободные войска, а потом уже думать о новых завоеваниях.

Военные действия тридцать второго года в Чечне и в Дагестане доставили нам полный успех. Главнокомандующий кавказским корпусом, барон Розен, поднялся с небольшим отрядом на гору Галгай, близ военно-грузинской дороги, считавшуюся у горцев совершенно неприступною для наших войск, и покорил снова кистинские общества, увлеченные Кази-Мегметом в общее восстание. После того наши войска, под личным начальством барона Розена и Вельяминова, прошли по всей Чечне, разбивая неприятеля везде, где он только показывался; проникнул через Ичкерийский лес в Беной и Дарго, уничтожили эти два селения, и поздней осенью спустились наконец в глубокое ущелье реки Койсу, для того чтобы последним, решительным ударом поразить восстание в его корне. Гимры, в которых Кази-Мегмет родился и постоянно жил, были взяты приступом, и он сам убит. Громкие удачи наших войск и в особенности смерть имама, главы мюридов, сильно поразившая умы горцев, понудили Чечню и дагестанцев покориться безусловно русской воле. Левый фланг кавказской линии казался усмирившимся на долгое время; после этого можно было перенести снова военные действия в западную часть Кавказа и заняться предпочтительно устройством береговой линии.

Полагая, что горцы не в силах долго обороняться собственными средствами, без помощи турок, доставлявших им товары, соль и разные военные припасы в промен на женщин и на мальчиков, все наше внимание обратилось на прекращение турецкой торговли с черкесами. Для этой цели уже в 1830 году черкесский берег был объявлен в блокадном положении, и для наблюдения за ним учреждено постоянное крейсерство. Невзирая на эту меру, турецкие купцы продолжали сообщаться с черкесами. Наши крейсера весьма редко успевали их захва-

тивать, так как наши парусные килевые суда (пароходов не существовало еще тогда в черноморском флоте) должны были держаться в некотором отдалении от берегов и в случае бури уходить в открытое море, между тем как плоскодонные турецкие чектермы плавали почти всегда под защитой берега и в непогоду вытаскивались на него или прятались в устьях бесчисленных речек, впадающих в Черное море. Малый успех морской блокады привел к заключению, что сообщение турок с черкесским берегом прекратится только в том случае, когда все пункты, которые они привыкли посещать, будут заняты русскими укреплениями. Эта мысль, казавшаяся весьма основательной и удобоисполнимой на первый взгляд, встречала в применении невыгоды и затруднения, которые могли оценить вполне только люди, близко знакомые с кавказскими обстоятельствами. Одно из главных затруднений для учреждения береговой линии заключалось тогда в недостатке точных сведений о местности, о количестве неприятеля и о средствах, которыми он располагал для своей обороны. Кроме того, было весьма желательно устранить неудобства, обнаруженные прежними десантными экспедициями, ставившими сухопутные войска в совершенную зависимость от моря. Но для того чтобы решить, дозволяют ли местность и обстоятельства действовать предпочтительно сухим путем, следовало опять-таки точнее изучить страну, в которой мы предполагали утвердиться прочным образом. Все это побудило Вельяминова противиться ускоренному занятию морского берега рядом укреплений, не связанных между собою и с линией хорошими и безопасными дорогами. По его мнению, для основательного усмирения горцев следовало остерегаться более всего опрометчивости, подвигаться в горах шаг за шагом, не оставляя за собою непокоренного пространства, и заботиться о достижении положительных результатов на будущее время, а не мгновенных блестящих успехов, которые уже не раз влекли за собою целый ряд неожиданных неудач.

Но в 1834 году последовало приказание немедленно положить первое начало устройству береговой линии, открыв военные действия против черкесов с Кубани и с южной стороны гор, из Абхазии; а для пополнения сведений о берегу между Гаграми и Геленджиком предписано было произвести усиленные десантные рекогносцировки.

Покоряясь высшей воле, Вельяминов двинулся весной тридцать четвертого года за Кубань из Ольгинского редута с целью открыть сообщение с Суджукскою бухтой. Постройка Абиньского укрепления заняла все лето. В Абхазию был послан в том же году под командою генерал-майора Н. отряд, состоявший из нескольких батальонов, для разработки дорог и для постройки укреплений, необходимых для защиты сообщения. В течение лета Н. успел разработать дорогу не далее Драндского древнего монастыря, который он обратил в укрепление, и построить небольшой редут в Илори. Жители не обнаруживали никакого сопротивления; зато наш отряд нашел столько препятствий собственно в абхазской природе, что Н. не надеялся проложить дороги от Дранд до Бзыба прежде осени другого года, считая притом совершенно невозможным продолжать сухим путем движение за Гагры, по причине скал, преграждавших береговую дорогу около этого места. Означенное препятствие существовало во всей силе только для наших войск, обязанных возить за собою обоз и артиллерию. Горцам оно не мешало проходить в Абхазию разными другими горными путями или проезжать в хорошую погоду около скал, чему совершенно препятствовал прибой во время ветра со стороны моря. Это обстоятельство еще более затрудняло вопрос о пути, который следовало избрать для устройства береговой линии, и побудило военное министерство повторить требование относительно усиленных рекогносцировок, произвести которые давно уже было предписано.

Но как барон Розен, так и Вельяминов в одинаковой мере желали избежать необходимости употребить в дело этот способ, который, по мнению их, не мог принести ожидаемой от него пользы. Для производства десантных рекогносцировок в разных пунктах, на протяжении сорока географических миль совершенно нам незнакомого, гористого берега, покрытого сплошным лесом, представлявшим для неприятеля отличную оборону, требовалось употребить несколько тысяч человек и около двадцати военных и транспортных судов. Жертвы

людьми и деньгами, которые правительство должно было понести в этом случае, далеко превышали выгоды, какие могли принести рекогносцировки. Места пришлось бы занимать наудачу, платя жизнью десятков солдат за каждый клочок земли, не превышающий пространства, находящегося под огнем нашей артиллерии. Самые важные сведения о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения, о его средствах к жизни и к войне, оставались совершенно недоступными для войск. Все потери и издержки, понесенные во время рекогносцировок, должны были сверх того повториться еще раз при окончательном занятии пунктов, избранных для постройки укреплений. Кроме того, рекогносцировки, без сомнения, привлекли бы внимание горцев на осмотренные места и побудили бы усилить их оборону искусственными средствами, сверх природных препятствий, которыми так щедро наделен черкесский берег.

Оставалось одно средство заменить полезным образом малообещающие рекогносцировки: поручить достаточно сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег. Благодаря расположению памятного всем старым кавказцам генерала Вальховского, выбор пал на меня. На Кавказе я находился с начала тридцать второго года, участвовал прежде того в задунайской кампании против турок, и в польской войне. Получив довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиции тридцать второго года, я был долго болен и через год еще принужден был провести лето на кавказских минеральных водах для укрепления моих сил. Когда я вернулся в Тифлис, Вальховский встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений, добыть которые предполагалось было такою дорогою ценой: он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться; да и я сам понимал их очень хорошо. Так как возлагаемое на меня дело выходило из круга обыкновенных поручений, то нельзя было требовать от меня его исполнения служебным порядком, без моего добровольного согласия. Поэтому главнокомандующий поручил генералу Вальховскому убедить меня ехать в горы, предоставив мне самому назначить условия, на которых я считал для себя выгодным оказать требуемую от меня услугу. Готовый жертвовать собою безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободою, я отвергнул условия, которые могли касаться до моих личных выгод, и настоял только на доставлении мне всех тех преимуществ, от которых зависела, по моему убеждению, удача предприятия. Барон Розен согласился предоставить мне право: располагать свободно собою и своим временем, вступать в сношения с покорными и непокорными горцами, не стесняясь существующими правилами, и, в указанных мне границах, обещать им награды или прощение за различные преступления, если кто из них станет мне помогать в моих делах. Обеспеченный таким образом против постороннего вмешательства местных кавказских властей, я принялся с охотою и с уверенностью в успехе за мое поручение и в тридцать пятом году сделал два удачных путешествия из Абхазии на линию и обратно.

Не я первый из русских отправлялся в горы. В 1830 году шапсугский старшина Абат Беслиней провел с опасностью жизни переодетого артиллерийского капитана Новицкого по дороге, которую Вельяминов разрабатывал после того в тридцать пятом году. Путешествие их длилось трое суток, в которые они проехали около семидесяти верст, пользуясь ночным временем. В 1834 году генерального штаба капитан князь Шаховской перешел через снеговой хребет из Сванетии в Большую Кабарду. Путешествие его было весьма любопытно, сопряжено с большими трудностями среди дикой природы, но не представляло прямой опасности для жизни. Вновь покорившийся владетель Сванетии, к которому он был отправлен с подарками, принял его у себя открыто, переправил его со своими людьми через горы и сдал князьям покорной нам Кабарды, проводившим его далее на линию.

Путешествие, которое мне предстояло исполнить вдоль черкесского берега, предпринималось при совершенно иных условиях. Первое затруднение состояло в отыскании надежных проводников, способных, по смелости и по своему положению в горах, взяться за подобное

дело. Далее, я должен был проникнуть в середину самого густого черкесского населения, встревоженного и раздраженного опасностью, угрожавшею ему с двух сторон, вследствие появления наших войск в Абхазии и за Кубанью. Мне предстояло осмотреть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство в горах, жить и путешествовать долгое время между неприятелем, которого сметливая недоверчивость равнялась вражде к нам, и не изменить себе ни одним словом или движением, несвойственными горцу. Я не знал черкесского языка и умел только сказать несколько слов по-татарски. Последний недостаток не должен был, впрочем, служить для меня столь непреодолимым препятствием, как могут подумать не знающие Кавказа.

Между горцами существует такое множество различных наречий, что мне всегда было возможно выдавать себя за человека, принадлежащего к племени, которого языка не понимали жители того места, где я находился.

По этим причинам многие на Кавказе, долее меня имевшие случай ознакомиться с горцами и вообще с местными обстоятельствами, считали подобного рода путешествие делом совершенно несбыточным. Но чем более представлялось препятствий и затруднений, тем сильнее укоренялось во мне желание исполнить путешествие вопреки всем предсказаниям; я, впрочем, несколько не скрывал от себя, что в случае неудачи мое положение в горах делалось действительно безвыходным.

Для того, чтобы скрыть настоящую цель моего отъезда в Абхазию, откуда найдено было удобным начать мои путешествия, я получил гласное назначение состоять при войсках абхазского действующего отряда. Не теряя времени, я выехал из Тифлиса в декабре тридцать четвертого года, хотя ненастное зимнее время обещало мне самую трудную и неприятную дорогу.

Глава II

Не стану описывать подробно моего путешествия от Тифлиса до границ Абхазии; оно было весьма незанимательно. Зимнее время скрывало от меня живописную сторону богатой имеретинской и мингрельской природы. Плохие дороги, дурные ночлеги, холод, грязь и снег попеременно преследовали меня от начала до конца путешествия. До Сурама я ехал на русских почтовых телегах; всем известно, как они покойны. Через Сурамские горы и далее приходилось ехать верхом, на казачьих переменных лошадях. В Кутаисе я остановился на несколько дней, чтобы явиться к управляющему Имеретией, начальнику абхазского действующего отряда, знавшему только о моем гласном назначении находиться при войсках в Абхазии, так как в Тифлисе признано было необходимым никому не поверять тайны моего настоящего поручения, для того чтобы предохранить меня от последствий всякой даже неумышленной нескромности. Оттуда я продолжал свой путь без отдыха. Теперь, говорят, устроена от Тифлиса до Поти дорога, весьма удобная для проезда в самом тяжелом экипаже; тогда было совсем не то; в 1834 году и еще долго после того и верхом было нелегко проехать по этим местам во всякое время года. Особенно последние три почты, не доезжая Редут-Кале, были невыносимы. Дорога, проходившая над болотом, была устлана полуобтесанными бревнами, плававшими в тинистой грязи. При каждом шаге, который делала лошадь, ступая на них, они погружались в грязь. Не попав на бревно, лошадь проваливалась в болото выше колена, падала и нередко сбрасывала с себя седока. Тогда все останавливались, поднимали упавшего, освобождали лошадь из западни, в которую она попала, хорошо еще, если не с переломанными ногами. Не прошло часа без подобного происшествия с кем-нибудь из нашего поезда, состоявшего, кроме меня, из моего слуги, вьюка и обычной команды донских постовых казаков, без которых не ездили в то время даже по Мингрелии. Подобного рода похождениями и чувством постоянного голода, так как на казачьих постах имелись только хлеб да кислое вино, ограничивались мои путевые впечатления. От самого Кутаиса я не пользовался другим помещением, кроме постовых плетневых хижин, ночуя в них, по кавказскому обыкновению, на земле, укутанный в бурку вместо постели и одеяла; поэтому я немало обрадовался, услышав шум моря, означавший близость Редут-Кале, в котором я ожидал найти некоторое вознаграждение за испытанные мною лишения. Когда мы подъехали к Редуту, совершенно смерклось, и только эта темнота помешала моему преждевременному разочарованию. Редут-Кале – земляное укрепление, построенное на берегу моря, около устья реки Хопи, посреди непроходимых болот, был в то время забытый уголок, в котором прозябали, изнуренные лихорадками, несколько солдат, офицеров и карантинных и таможенных чиновников. Внутри укрепления, уставленного небольшим числом деревянных строений, на всем лежала печать скуки, тоски, ветхости и бедности. От дождя, лившегося весь день, я измок до костей и был покрыт грязью, падав с лошадью несколько раз. С нетерпением желал я обогреться и отдохнуть от дороги. По приказанию коменданта мне указали лучшую из комнат, определенных для приема путешественников по делам службы. Кроме стола, двух стульев и деревянной кровати, без тюфяка, в ней не существовало никакой мебели; зато множество досок, расставленных по комнате в виде колонн, подпирали потолок, угрожавший, без помощи их, накрыть своею тяжестью дерзкого жильца. К моему счастью, в комнате был огромной величины камин, в котором развели огонь, позволивший мне обсушиться, сварить чаю и изжарить тощую курицу, проданную мне сторожем дома за дорогие деньги. На другой день, собираясь в дорогу, я заметил, что дом, в котором я провел ночь, был и снаружи подперт с боков бревенчатыми контрфорсами, без которых он мог легко развалиться во все стороны. Надеюсь, что решились разобрать на дрова его прежде, чем какой-нибудь несчастный путешественник нашел под его развалинами преждевременную кончину.

Сгорая нетерпением скорее приехать в Бамборы, где я должен был найти генерала Пацовского, командовавшего, за отсутствием Н., всеми войсками в Абхазии, я не продлил ни на один час своего отдыха в Редут-Кале и с рассветом другого дня отправился в дорогу. Я спешил увидеть Пацовского, потому что в Абхазии он был единственный человек, имевший возможность помочь мне в моем предприятии делом и советом, зная край и пользуясь хорошим влиянием на абхазцев.

От Редут-Кале до Сухума вели две дороги. Первая из них, служившая для абхазцев обыкновенным сообщением искони веков, проходила над самым морем по береговому песку и мелким камням. Весьма неудобная для движения артиллерии и обозов, она, кроме того, заливалась водой в ветреную погоду. Другая была проложена нашими войсками в прошедшем году, для избежания этого неудобства, в некотором расстоянии от моря. Небо было покрыто тучами, необыкновенно сильный ветер дул с моря, гряды темных волн, окаймленных белой пеной, мерно разбивались об обрывистый берег, возвышавшийся справа над дорогой, и заливали ее на протяжении, какое мог видеть глаз. Берегом ехать было невозможно. Казаки просили меня лучше переждать погоду, чем следовать новою дорогой, по которой, как они говорили, лошади не дойдут до первого поста, находившегося в двадцати верстах от Редута. Время было для меня дорого, и я, не слушая их совета, отправился по верхней дороге, разработанной генералом Н., полагая найти ее все-таки в лучшем виде, чем как говорили постовые казаки. Но скоро я убедился в справедливости их слов. Проходя на большом протяжении через вековой лес, без выбора местности, вдоль глубоких лощин и по топким местам, она извивалась лентой густой черной грязи, в которой лошади утопали выше колена, спотыкаясь на каждом шагу о пни и корни срубленных деревьев. В Абхазии снег начинал таять, и это обстоятельство не служило к улучшению обыкновенных качеств дороги. Не находя никакого способа подвигаться по ней вперед, мы были принуждены объезжать ее по лесу, медленно пробираясь между деревьями, хлеставшими нас ветвями в лицо, и частым колючим кустарником, цеплявшимся за лошадей и рвавшим на нас платье.

Много времени отнимали у нас также переправы через бесчисленное множество речек, выступивших из своих берегов, по причине ростепели и морского прибоя, останавливавшего их течение. В Анаклии, мингрельском пограничном местечке, со смешанным населением из турок, мингрельцев, абхазцев и армян, мы переправились через широкий Ингур. Это была единственная переправа по всей дороге от Редут-Кале до Бамбор, на которой я нашел паром, хотя и плохой, но на котором все-таки можно было перевезти в один раз небольшое число лошадей и повозок, и при нем несколько человек перевозчиков. На всех других речках мы встречали только два выдолбленных из дерева и сплоченные между собою каюка, на которых едва становилась одна лошадь, и виноградную лозу, перекинутую вместо каната с одного берега на другой, за которую держались руками во время переправы. Случалось и так, что один маленький каюк, вытасченный на берег, обозначал место, где следовало переправиться. О перевозчиках не было и помину. Жители, на которых лежала обязанность оберегать переправы и содержать на них перевозчиков, исполняли кое-как свою обязанность, пока войска находились вблизи. Вслед за удалением их они сами разбегались и уносили сверх того канаты, доски и все железо, находившееся на парамах. Строить на каждой переправе посты и занимать их командами было бы затруднительно и дробило бы войска, а оставлять по несколько человек, для присмотра за туземными перевозчиками, было опасно.

Мои конвойные казаки, хорошо знакомые с существующим порядком, заведя издали речку, тотчас бросались отыскивать паром или каюк в кустах и в затопленном водою камыше, снимали вьюки, расседывали лошадей, и переправа начиналась. Лошадей пускали обыкновенно вплавь, для чего один казак садился, раздевшись, на лучшую лошадь и плыл впереди, зная, что другие лошади от нее не отстанут. Людей, поклажу и седла перевозили в каюке, на дне которого помещались с трудом два или три человека, занятые одной мыслью и одним делом —

удержать в равновесии каюк, который подпрыгивал и крутился, как щепка, под напором быстрой речки, стремившейся в море, и прибоя, отбрасывавшего назад ее течение. Донские казаки, содержавшие в Абхазии конную почту, были вообще хорошие пловцы, как все русские, живущие на берегу больших рек; поэтому я не боялся потонуть, хотя сам не умел плавать.

В первый день моего отъезда из Редут-Кале я добрался с большим трудом, поздно ночью, до первого поста, сделав не более двадцати верст. Обезы, которые мы принуждены были отыскивать беспрестанно в лесу, для того, чтобы избежать мучения ехать по разработанной дороге, и частые переправы нас совершенно измучили. Люди и лошади едва дотащились до ночлега. На другой день, испытав те же самые напасти, я переехал в Илори, на границу Абхазии, где в прошедшем году наши войска построили укрепление на берегу Гализги. Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. Гализга служила прежде только для разделения двух абхазских округов – Самурзаканского и Абживского. По причинам, которых я не мог никогда понять ясным образом, Самурзаканский округ был причислен нами к владениям князя мингрельского, и абхазская граница отодвинута с Ингура к Гализге. Последствием этого отчисления было то, по крайней мере в мое время, что самурзаканцы, избавленные от послушания своему природному князю, отказывались также повиноваться и новому владельцу; а независимое направление своего образа мыслей принялись обнаруживать воровством и разбоями.

Илорский редут, если только можно назвать этим именем неправильные кучи грязи, означавшие места, на которых следовало находиться брустверу, вмещал в своей окружной черте роту грузинского гренадерского полка. Солдаты, жившие в балаганах, построенных из жердей и из камыша, буквально утопали в грязи. Ротный цейхгауз, провиантский магазин, конюшни и кухни не имели места в укреплении. Желая осмотреть его внутренность, я оставил в грязи солдатские сапоги, надетые мною вместо калош, сверх тонкой черкесской обуви, и был очень доволен, когда сам из нее освободился с помощью взявших меня под руки солдат. Трудно было понять, для какой надобности редут был построен в Илори, где он ничего не защищал кроме оборонявших его солдат; а зачем они здесь находились, и притом в числе одной только роты, еще менее того можно было объяснить. Самый редут исполнял очень дурно свое официальное назначение, потеряв под потоком абхазских осенних дождей всю оборонительную силу своего профиля. Смотри на него, невольно рождалась мысль, почему не строили тогда в Абхазии, чрезвычайно богатой строевым лесом всех родов, деревянных оборонительных казарм, укреплений из палисада, хотя бы даже из плетня, увенчанного колючим кустарником, а усиливались вскидывать насыпи из жирного иловатого грунта, совершенно неудобного для земляных построек. Человек полтораста солдат, помещенных в редуте, ни в каком случае не были в силах ни предупредить, ни остановить беспорядков, если б они возникли между жителями.

Для надзора за переправою через Гализгу и для перемены лошадей достаточно было бы иметь здесь казачий пост, усиленный десятками двумя пехотных солдат. К нашему несчастью, в то время на Кавказе делалось множество подобных ошибок. Беспре­станно занимали места без всякой надобности, строили укрепления, непри­способленные ни к местности, ни к роду войны, помещали в них гарнизоны слишком слабые для того, чтобы держать в страхе жителей, раздробляли таким образом свои силы, войска подвергали без всякой пользы болезням и всевозможным лишениям, а горцам доставляли этими фальшивыми мерами только случай обкрадывать и убивать русских солдат. Причина этому заключалась в невозможности главным начальникам все видеть своими глазами и обсудить собственным умом, и в неспособности и неопытности частных командиров, особенно таких, которые прибыв из России, получали, по своему чину или по какому-нибудь другому поводу, отдельные начальства и, не слушая старых кавказских служивых, принимались распоряжаться в горах или посреди абхазских и мингрельских болот по правилам воинского устава и школьной фортификации того времени. Не забуду, как один из инженеров, укреплявших береговую линию, спросил с удивлением: из

какой фортификации взято это правило, когда ему советовали вместо палисада, располагаемого на кроне бруствера, усадить его колючим кустарником, что было бы не только дешевле, но и действительнее. Надо прибавить, что колючий кустарник употреблялся с большою пользою еще во времена Ермолова, при котором все укрепления на Кабардинской плоскости были усилены этим оборонительным средством, и благодаря ему всегда избавлялись от несчастья видеть в своих стенах неприятеля, что случалось с некоторыми укреплениями черноморской береговой линии, строители которых были весьма ученые теоретики.

От Илори до Дранд считали сорок верст, которые я проехал в один день, потому что на этом пространстве встречалось меньше леса, следовательно, и дорога была лучше. Через три рукава Кодора, на которых не было возможности устроить паромов, по причине необыкновенно быстрого течения, мы переправились вброд, имея воды выше седла, так что местами лошади должны были плыть.

Драндская древняя церковь, построенная, как должно полагать, в середине шестого века, в одно время с Пицундским монастырем, лежит в пяти верстах от морского берега, на возвышении, образующем открытую площадь, окруженную лесом со всех сторон. Как памятник византийской архитектуры, она представляла немало замечательного; но я не имел тогда времени заняться ее рассмотрением и ограничился первым впечатлением, которое она произвела на меня своею простою, величественною массою, уединенно господствовавшею над пустынною окрестностью. Кто пожелает ближе познакомиться с характером ее постройки, равно как и с другими памятниками древности на Кавказе, найдет их подробное описание в путешествии археолога Дюбуа. Направо от Дранд виднелись постепенно подымавшиеся лесистые контрфорсы главного хребта, подпиравшие ряд снеговых вершин, врезавшихся в горизонт зубчатою блестящею стеной. Налево шумело море, скрытое от глаз темными лесами. За исключением этого шума повсюду царствовала пустынная тишина.

Выбор этого места под укрепление был весьма удачен, жаль только, что при этом коснулись церкви, заняв ее офицерскими квартирами и складом провианта. В полухристианской, полумагометанской Абхазии следовало беречь подобного рода памятники христианской старины, к которым сами абхазцы-мусульмане питали неизъяснимое чувство благоговения, основанное на темных преданиях о святине, осенявшей веру их праотцов. В военном отношении этот пункт представлял весьма ощутительные выгоды: давал твердый базис для действий против Цебельды, занимавшей неприступные ущелья по верховьям Кодора, и представлял, по причине здорового климата и хорошей воды, все условия, необходимые для сбережения войск. Приятно было видеть свежие и веселые лица солдат, ясно свидетельствовавшие в пользу драндской стоянки. Число больных в батальоне Грузинского гренадерского полка, зимовавшего в Драндах, не превышало обыкновенно двенадцати человек из семисот. Это был замечательный факт между кавказскими войсками, которые обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского оружия. В Драндах я воспользовался с удовольствием дружелюбным гостеприимством батальонного командира для того, чтоб отдохнуть один день и вознаградить себя, в первый раз после Кутаиса, за усиленную воздержанность, на которую я был осужден во время всего пути.

От Дранд дорога спускалась к берегу через густой лес и, поворотив направо, вела потом до Сухума, над самым морем, по глубокому береговому песку. С одной стороны море, а с другой непроходимый лес отнимали у нее простор до того, что местами она была не шире четырех или пяти сажений. Здесь абхазцы перегородили в двадцать четвертом году дорогу высоким завалом и встретили из-за него и из лесу самым убийственным огнем русский отряд, шедший, под начальством управлявшего Имеретией князя Горчакова, выручать капитана Марачевского, оборонявшего, около Бамбор, с двумя ротами абхазского владетеля Михаила от его восставших подданных. Несмотря на отчаянное сопротивление неприятеля и на невыгоды положения, подвергавшего их метким выстрелам в упор от невидимых противников, наши войска мгно-

венно овладели завалом и открыли себе дорогу в Сухум. Абхазцы, видя, что русских нельзя остановить страхом смерти и перегородить им дорогу открытою силой, рассыпались после того в опушке леса, прекратили огонь по солдатам и стали стрелять исключительно по артиллерийским и по вьючным лошадям. Перебив большую часть из них, они принудили отряд остановиться в Сухуме и выждать, пока собралось достаточное число судов для перевозки его морем в Бамборы, потому что сухим путем не на чем было везти провиант и снаряды. От этого Мара-чевский едва не погиб. Более шестисот убитых лошадей лежали на морском берегу и заражали воздух по дороге, что принудило нарядить на другой год два военных транспорта для отвоза их остатков в открытое море.

Не доезжая пяти верст до крепости лежало на пути абхазское селение Келассури, в котором жил Гассан-бей, дядя владетеля. Его рубленый деревянный дом, имевший вид широкой четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, обхватывавшая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная только пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавший его палисад, на эту маленькую, плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдешнее состояние опасения, в котором Гассан-бей проводил свою жизнь. Тревожное положение Абхазии вообще, личная вражда, какую он успел возбудить во многих, и несколько покушений на его жизнь, от которых он спасался почти чудом, заставляли Гассан-бея не пренебрегать никакими мерами осторожности.

Против его дома, над самым морем, находился длинный ряд деревянных лавок, принадлежавших туркам, перешедшим из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским. На пороге лавок сидели по своему всегдешнему обыкновению турецкие купцы и курили из длинных чубуков, с видом глубочайшего спокойствия. Казалось, ничто, что происходило кругом, не занимало их духа, парящего в неведомых пределах, — так безжизненно-равнодушно глядели они вдаль. Но равнодушие их было очень обманчиво. С одной стороны, они наблюдали за дорогой, пристально разглядывая проезжающих, а с другой не упускали из виду нашей военной эскадры, стоявшей на сухумском рейде. Ничто из происходившего на наших судах не скрывалось от их напряженного внимания. Из всего они выводили свои заключения, имевшие одну постоянную цель: обмануть бдительность наших моряков и провезти запрещенный товар. Все, что клонилось к нашему вреду и могло мешать нашим видам, радовало их душевно. Турки откровенно нас ненавидели — это в порядке вещей. Прежде они первенствовали в Абхазии и пользовались самою прибыльною торговлей с черкесами и с абхазцами, от которой купец обогащался в три или четыре рейса; теперь мы их вытеснили из этого выгодного положения и старались, кроме того, совершенно уничтожить их торговлю, захватывая и обращая в призы суда, нагруженные военными припасами и черкешенками. Гассан-бей, управлявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался не без причины самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии, и этого нельзя было ставить ему в вину. Религия, привычки молодости склоняли его на сторону турок, и, кроме того, он находил постоянный источник доходов в своем келассурском базаре. Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверх того доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии. Носились темные слухи про ночную торговлю на этом базаре, несравненно более оживленную, чем какою представлялась его денная деятельность, про лодки, виденные в лесу недалеко от Келассури, к которым съезжались в ночное время толпами вооруженные люди; но все это были, кажется, одни пустые толки завистников Гассан-бея. Наши военные баркасы, проходившие иногда случайно ночью мимо Келассури, никогда не замечали ничего подобного: базар они находили всегда в глубоком сне, а по всему берегу, на расстоянии десяти верст от Гассан-беева дома, не было уголка, в котором могла скрыться турецкая чектерма; в этом ручались все наши моряки, осматривавшие берег с вели-

чайшим вниманием. Поэтому келассурские турки невозбранно продолжали продавать табак, рахат-лукум и бумажные материи и следить с участием и любопытством за нашею эскадрой, рассматривая ее, когда было нужно, в свои длинные зрительные трубы.

Прибыв с намерением отыскать в Абхазии средство проехать за Гагры, к неприязненным черкесам, я не мог долго оставаться на одном месте; я должен был, делая беспрестанные поездки, знакомиться с краем и с людьми, от которых, по моему расчету, можно было ожидать помощи для моего предприятия. Прежде всего было необходимо составить себе связи и знакомства между абхазцами, с которыми обстоятельства заставляли меня иметь дело, и найти благовидный предлог для моих будущих поездок, способный отвлечь их недоверчивое любопытство от моего настоящего намерения. Мне казалось, что лучше всего начать дело с умного и хитрого Гассан-бея, тайного противника русских, имевшего большой вес у абхазцев, недовольных существовавшим порядком вещей. Я решился не миновать его дома. Для меня было очень важно приобрести его расположение и, если можно, выиграть его доверенность. Не считывая даже на его содействие, все-таки было лучше иметь его приятелем, чем врагом; его вражда была бы вдвойне для меня опасна по причине связей, которые он имел в горах. К счастью, предлог для моих будущих странствований по Абхазии был у меня приготовлен, и не только должен был успокоить любопытство Гассан-бея, но даже заинтересовать его самого, касаясь несколько его личных расчетов. Он заключался в цебельдинском деле, о котором мне было поручено собирать при случае самые точные сведения. Упомянув об этом деле, я считаю необходимым объяснить: что такое была в то время Цебельда и в чем состоял, говоря дипломатическим языком нашего времени, цебельдинский вопрос, очень простой для горцев, но чрезвычайно запутанный для нас.

Абхазия, подчинившаяся России в лице своего владетеля, занимала морской берег от Ингура до Бзыба и делилась на четыре округа: Самурзаканский, Абживский, Сухумский и Бзыбский. Самурзаканский округ, как я прежде упомянул, был нами отчислен к Мингрелии. Кроме того, находилось в горах, между источниками Бзыба и Кодора, независимое общество, составленное из абхазских выходцев, именуемое Цебель и долженствовавшее, по своему географическому положению между снеговым хребтом и абхазским побережьем, составить пятый округ Абхазии, но которое всегда отказывалось повиноваться владетелю, находя в неприступности занимаемого им местоположения достаточную защиту от его притязаний. Когда русские войска занялись в Абхазии разработкой дорог, цебельдинцы воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы беспрестанно тревожить нас, угонять порционный скот, лошадей и убивать одиночных солдат, удерживаясь, впрочем, от нападений открытою силой. Кроме прямого вреда, который они нам делали, их пример увлекал иногда абхазцев и, что было хуже всего, давал им случай производить кражи и убийства под их именем.

Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашим тогдашним сведениям, не более как из восьми сот или тысячи семейств, служила неприятною помехой для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силою надо было пожертвовать временем и частью войск, которые, казалось, полезнее было употребить на работы, имевшие предметом скорейшее устройство береговой линии, обещавшей, как тогда полагали, отнять у горцев все способы сопротивления. В то время мингрельский владетель, Дадриан, предложил свои услуги, обещая мирным путем склонить цебельдинцев жить покойно и даже подчинить себя русской власти, если их навсегда избавить от покушений абхазского владетеля на их независимость. Предложение его было принято с большим удовольствием. Дадриан не имел никакого значения у цебельдинцев и мог на них действовать только через Гассан-бея, которого сестра была замужем за Хенкурусом Маршанием, одним из цебельдинских князей. Оба они сошлись в этом деле, ненавидя в равной степени Михаила, владетеля Абхазии, и имея в виду выслужиться на его счет перед русским правительством и сделать ему чувствительную неприятность, уничтожив окончательно его влияние на цебельдинцев. Но связь Гассан-бея с Дадрианом не могла быть откровенна; дей-

ствуя с одной стороны против выгод Михаила, он с другой мешал под рукою переговорам Дадиана с цебельдинцами, не видя особых выгод для себя в положительном успокоении Абхазии и в примирении ее горных соседей. Между тем и Михаил принял косвенное участие в этом деле, противясь, сколько было возможно, проискам Дадиана и Гассан-бея совершенно отвлечь от него Цебельду. Как владетель, он был прав, действуя в пользу своей власти, которая одна могла послужить к сохранению в Абхазии чего-то похожего на гражданский порядок. Мы, русские, не имели в ней тогда никакого нравственного значения и могли опираться на одну только силу. Да и в цебельдинском деле он имел возможность более способствовать нашим выгодам, чем его два соперника. Особое расположение к Дадиану мингрельскому и какое-то бессознательное предубеждение против Михаила не позволяли нам ясно видеть истинное положение дел. Из всех этих противоположных интересов сплелась, как водится у горцев, непроницаемая сеть самых хитрых интриг, в которой русские власти запутались наконец, ничего не понимая. Я не имел самонадеянной мысли распутать эту сложную, хитро связанную интригу; но находил весьма удобным воспользоваться ею для моей собственной цели. Она мне давала случай сблизиться с Гассан-беем, не жаловавшим нас вообще, а через него и с другими туземцами, врагами русского порядка, между которыми я, скорее всего, мог отыскать помощников для моего предприятия, и узнать их мысли, нисколько не обнаруживая сокровенных желаний.

Подъехав к дому, я остановился и, не называя себя, послал узнать, желает ли Гассан-бей видеть у себя проезжего. Это одна из выгодных сторон кавказского гостеприимства. Чужого человека принимают, не спрашивая, кто он, откуда и куда едет, пока он сам не сочтет необходимым объявить об этом, иногда только за тайну, одному хозяину, имея причины скрыть свое имя и свои дела от посторонних людей. Пока обо мне докладывали, прошло хороших полчаса. В это время рассматривали из дому меня и моих конвойных с большим вниманием. Беспреданно показывались у бойниц разные лица, вглядывались в меня очень пристально и потом исчезали. Наконец калитка отворилась, и Гассан-бей вышел ко мне навстречу, имея за собой несколько абхазцев с ружьями в руках. Я увидел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску, с высокою турецкою чалмой на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами в серебряной оправе; один из них он держал в руке готовый для выстрела. Кто только знал Гассан-бея, не помнит его без этих пистолетов, спасавших его раза два от смерти и из которых он стрелял почти без промаха. Оставив лошадь, я подошел к нему с просьбою позволить мне назвать себя и объяснить во всем, когда мы будем наедине. Гассан-бей молча ввел меня в комнату, усадил на низком диване против себя, потребовал кофею и чубук, как следовало по турецкому обыкновению, и выслал прислугу. Я назвал себя, сказал о моем назначении состоять при войсках и о причине, побудившей меня одеться по-черкески; имея, прибавил я, поручение изучить цебельдинское дело, что требовало от меня беспреданных поездок по Абхазии, я счел благоразумным не обращать на себя внимание народа. Моя откровенность до того понравилась Гассан-бею, что мы через полчаса сделались совершенными друзьями и поверяли друг другу свои самые сокровенные мысли, — разумеется, не теряя должной осторожности. Он не только согласился со мною, по крайней мере на словах, во всем, что я говорил насчет сильно интересовавших его абхазских и цебельдинских дел, и похвалил мое намерение под черкесскою одеждой остаться для народа неизвестным лицом, но снабдил меня, сверх того, множеством весьма основательных советов, касавшихся моей личной безопасности. После многоблюдного турецкого обеда, приправленного красным перцем до такой степени, что я опалил себе горло и нёбо, как огнем, Гассан-бей проводил меня до Сухума с довольно пестрою толпой своих конных телохранителей. В крепость он не заехал, имея от нее непреодолимое отвращение с того времени, когда его схватили в ней неожиданно перед отправлением в Сибирь.

Сухум произвел на меня самое неблагоприятное впечатление. Базар, находившийся перед крепостью, состоял не более как из двадцати грязных духанов-кабаков, в которых были

выставлены для продажи без всякого разбора: вино, водка, табак, седла, оружие, говядина, соленая рыба, овощи и самые простые турецкие материи. Хозяева были греки и армяне. По единственной топкой улице этого рынка прохаживались лениво несколько абхазцев с винтовками за спиной, с башлыками на голове, повязанными в виде чалмы, и перебегали матросы в своих холщовых брюках и темно-зеленых куртках, заглядывая в лавки и торгуясь с купцами. Только из одного духана раздавались веселые голоса; в его открытом окне виднелись эполеты и фуражки наших морских офицеров. Это был духан Тоганеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное место отдыха в Сухуме, доставлявшее им возможность за стаканом портера или марсалы забывать невыразимую тоску, которую он наводил на каждого. Тоганесова лавка отличалась от других духанов поставленной перед ее дверьми гипсовой статуей с транспорта, потерпевшего кораблекрушение посреди сухумской бухты.

Крепость, построенная из дикого камня в виде четырехугольника, около ста саженей по фасу, с башнями по углам, имела вид развалины. Внутри ее помещались две ветхие, деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии. Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала. Они знали это и, нельзя сказать с спокойным духом, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу с покорностью, свойственную русскому солдату. Побегі случались между ними очень редко. При турках считали в Сухуме около шести тысяч жителей; в тридцать пятом году нельзя было насчитать и сотни, сверх гарнизона. Прежде крепость была окружена красивыми предместьями, отличавшимися множеством тенистых садов, и пользовалась отличною водой, проведенною из гор далее мили. Турки называли Сухум вторым Истамбулом. Теперь расстилались около крепости болота, заражавшие воздух своими гнилыми испарениями; водопроводы были разрушены, солдаты пили вонючую, тинистую воду, и это было главною причиною болезней. Нас нельзя было нисколько винить в упадке Сухума, он был неотвратимым последствием неблагоприятных обстоятельств, сопровождавших пребывание наших войск в Абхазии. Видя, что мы положительно утвердились в крепости, турки оставили немедленно предместье; абхазцы не имели обыкновения жить в городах; а русское население не могло существовать в соседстве их, при тревожном и неустроенном состоянии, в котором находился край. Окрестности Сухума опустели, и только в стенах крепости прозябали около четырехсот русских солдат, из числа которых сто человек постоянно лежали в лазарете. Весьма понятно, что эта горсть людей не могла в одно время исполнять службу, обороняться от дразнившего ее неприятеля и производить около крепости очистительные работы, лежавшие прежде на всем турецком населении. В таком положении застал я Сухум. Впрочем, если крепость и ее окрестности не имели ничего живого и привлекательного, зато рейд представлял картину самой оживленной деятельности. Кроме нескольких десятков турецких чек-терм, качавшихся на воде, около десяти русских военных судов разной величины, начиная от красивого фрегата до уродливой толпы, лежали на якоре перед Сухумом. Тяжелые баркасы и легкие шлюпки перерезывали бухту по всем направлениям, сообщаясь с берегом и с судами, на которых кипела работа. Эскадра спешила исправиться от повреждений, причиненных ей последнею бурей, недели за две до моего приезда. Статуя, поставленная у дверей Тоганесова духана, принадлежала транспорту, выброшенному на берег этою бурей, причем его капитан и четыре матроса сделались жертвою моря. И другие суда были близки испытать ту же участь, если бы не унялся ветер. Фрегат, на котором находился контр-адмирал, касался уже дна: корвет и бриг потеряли рули, не считая поломанных мачт, рей и бугшпритов у прочих судов. Все это происходило в сухумской бухте. Несмотря на двойные и тройные якоря, корабли несло к берегу. Сильный ураган налетел с такою быстротой, что наша эскадра не успела уйти в открытое море. Мне очень хотелось побывать на наших кораблях и познакомиться с морскими офицерами, пользовавшимися уже тогда репутацией образованных людей и отличных моряков, но

я должен был на этот раз отказать себе в этом удовольствии, имея в виду доехать как можно скорее до Бамбор.

Оставив Сухум на другой день с рассветом, я приехал к обеду в бамборское укрепление. От Сухума до Бамбор считали сорок пять верст довольно удобной береговой дороги, загроможденной камнями только в одном месте, что не составляло, впрочем, чувствительного препятствия для пешего или для конного. Брод через Гумисту считался довольно опасным в половодье; другие маленькие речки не заслуживали внимания.

В Бамборах, где я должен был иметь свое постоянное пребывание, помещались: батальон 44 егерского полка, полковой штаб и все главные военные заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Генерал Пацовский, командир егерского полка и начальник всех войск во время отсутствия генерала А., жил в Бамборах, занимая длинный низенький дом с небольшим садиком впереди, стоявший возле гауптвахты, на обширной площади. Укрепление имело вид большого бастионированного параллелограмма и состояло из земляного бруствера обыкновенного размера. Внутренность его, разбитая на шесть правильных кварталов, обстроенных небольшими, чисто выбеленными домами, длинными казармами и магазинами, была опрятна и не наводила тоски, свойственной другим абхазским укреплениям. Возле крепости находился небольшой форштат с неизбежным базаром, населенным армянскими и греческими торговцами. Сюда абхазцы, а под их покровительством и незнакомые неприятельские черкесы приходили, менее для торговли, чем для того, чтоб узнавать новости и высматривать, что делается у русских. Положение Бамбор в широкой и привольной долине реки Пшандры, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лехне, или Саук-су, как его называли турки, местопребывания владетеля Абхазии, давало этому пункту значение, которым Пацовский воспользовался весьма искусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния. Бамборы имели только одну невыгоду, общую со всем берегом, на котором, кроме трех бухт, Геленджикской, Суджукской и Сухумской, нигде не существовало удобного якорного места. Суда не могли бросать перед Бамборами якоря ближе трех миль от берега, что служило чувствительным затруднением для выгрузки военных тяжестей, привозимых сюда в довольно большом количестве. Сверх того, суда должны были уходить в море с открытого бамборского рейда при первых признаках будущей зыби, из опасения быть брошенными на берег прежде, чем разыграется ветер, который позволил бы распустить паруса. В тридцать девятом году военный пароход, стоявший на якоре в Туапсе, разбился, прежде чем успели развести пары. Подобных несчастных примеров можно было насчитать очень много.

Приехав в Бамборы, я, не меняя одежды, пошел явиться к генералу Пацовскому. Его ласковый прием ободрил меня с первого раза и расположил к этому почтенному человеку; впоследствии, чем ближе узнавал я его, тем более возрастала моя вера в его душевную доброту. По его приказанию меня поместили в крепости в двух светлых и покойных комнатах, снабженных всем, что могло быть необходимо для отдыха и для занятий. Слишком мало думая в то время об удобствах жизни, я оценил эту заботливость обо мне со стороны Пацовского не по мере удовлетворения моих скромных потребностей, а по силе доказанной им внимательности. Эта квартира, которую я помню будто вчера только с нею расстался, редко, впрочем, видела меня в своих стенах. Я спал или изредка занимался в ней, находясь все остальное время в разъездах или в доме у Пацовского, который по кавказскому гостеприимному обычаю с первого дня пригласил меня бывать у него и обедать, когда захочу. Жена, трое маленьких детей и две воспитанницы лет десяти составляли его семейство. Пацовская была весьма недурна, добродушна и старалась всеми мерами сделать свой дом приятным для посещавших его, в числе которых я бывал почти ежедневным гостем. Кроме нее находились в укреплении еще три офицерские жены, которых можно было, за неимением других, пригласить на кадрили или мазурку. Ими ограничивалось наличное женское общество, что несколько не мешало моло-

дым офицерам танцевать и веселиться от всей души в неизвестном уголку земли, носившем название Бамбор. На берегу моря, недалеко от укрепления, зимовали: батальон Грузинского гренадерского полка и артиллерийская батарея, принадлежавшие к абхазскому действующему отряду. Это обстоятельство служило к немалому оживлению бамборского общества. Во всю зиму Пацовская давала у себя танцевальные вечера по два раза в неделю. Не только вышепоименованные дамы, но и ее маленькие воспитанницы принимали в них участие, а за недостатком женского пола становились молодые офицеры и танцевали до упаду. Люди пожилые, не танцующие, проводили вечер за бостонным столом. Бал кончался ужином, более сытным, чем изысканным, за которым не жалели абхазского вина, которое, право, было весьма недурно. Все это было очень незатейливо, но занимало молодежь, богатую избытком жизни, и отвлекало от менее невинных удовольствий, неразлучных с военной зимовкой. Забавно было видеть, как в темную дождливую ночь собирались на бал. Из прибрежных барачных офицеры съезжались верхом, укутанные в бурки и башлыки, провожаемые казаками, освещавшими дорогу факелами, а иногда и пехотным конвоем с заряженными ружьями, без которого неблагоприятно было ехать через лес, находившийся между морем и укреплением. Гости, жившие в стенах крепости, приходили пешком. Глубокая грязь, затапливавшая все улицы при первом дожде, не допускала обыкновенных калош, вместо которых принуждены были надевать сверх комнатной обуви тяжелые солдатские сапоги. Не легко было совладать с ними в грязи, поэтому два солдата проводили каждого посетителя: один вел его под руку, другой светил впереди фонарем; я был тогда довольно молод, готов воспользоваться каждым случаем, обещавшим некоторое удовольствие, и поэтому несколько не пренебрегал скромными бамборскими вечерами. Но главное удовольствие я находил бесспорно в обществе самого Пацовского. С удивительным терпением и скромностью, принадлежащими истинному достоинству, он объяснил мне самым подробным образом свои прежние действия в Абхазии и знакомил меня с положением края. Уверившись в его прямом характере и здравом смысле, не подчинявшихся внушениям мелочного самолюбия, я открыл ему в скором времени настоящую цель, которую я преследовал в Абхазии. В скромности Пацовского я был уверен, потому что никто лучше его не понимал опасности, которой могло подвергнуть меня одно неосторожное слово. По его мнению, не существовало никакой возможности проехать из Абхазии за Гагры; во-первых, потому что он не знал абхазца, могущего быть моим проводником, а во-вторых, по причине удвоенной осторожности, с которою неприятель караулил Гагринский проход со времени прибытия в Абхазию действующих войск. Позже я совершенно убедился в справедливости его мнения, но на первый раз не смел отказаться от своего предприятия, основываясь только на его словах и не уверившись сам в положительной невозможности исполнить его с этой стороны. Я не скрыл от него моего намерения стараться всеми силами опровергнуть фактом его убеждение, после чего он откровенно пожелал мне успеха, обещая помогать мне с своей стороны сколько будет возможно. Слово свое он сдержал как следует. Чувство душевного уважения, которое я сохранил к его памяти до сих пор, двадцать семь лет после нашего знакомства, побуждает меня указать на его хотя не громкие, но весьма полезные заслуги в Абхазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.